

Политика как наука (авторы: А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко)

Огюст Конт в свое время науку об управлении государством не зря назвал *«социальной физикой»*, полагая, что и в этой тотально субъективистской сфере человеческой деятельности, можно найти общие закономерности. Авторы данного пособия первыми в Беларуси предлагают проанализировать феномен политики как что-то закономерное или, во всяком случае, инвариантное, а значит, и обладающее всеми атрибутивными свойствами, характерными для научного знания. Очевидность данного вывода прослеживается уже с введения, в котором авторы называют социологию политики научной специальностью в области социологии. Более того, авторы практически сразу указывают заявку на науковедческую направленность своего издания, концентрируясь содержательно на пяти тематических блоках: методологических основаниях дисциплины, исторических предпосылках ее конституирования, закономерностях социологии политики, ее методах и категориальном аппарате (с. 4). Все это говорит о том, что авторы исходят из определенной концепции, стремясь ее целенаправленно реализовать. Проанализируем вместе с авторами пять составляющих научного знания под определением *«Социология политики»*.

В первом разделе в обобщенном виде критически представлены четыре концептуальные точки зрения относительно взаимосвязи политологии и социологии политики. Описав историю дискуссии о дифференциации их предметной и объектной направленности, авторы делают заключение о приоритетности в этом вопросе точки зрения П. Бурдьё. Именно П. Бурдьё, по их мнению, удалось ответить на поставленные полемикой вопросы. При этом авторы берут на себя смелость представить социологию политики П. Бурдьё не иначе, как критическую рефлексию политической практики, основанной на методологии социоанализа. Таким образом, считают авторы пособия, выход из пролонгированного на десятилетия отечественного дискурса о предметно-объектной специализации социологии политики нужно искать в социологическом методе (социоанализ) (с. 25). Его внедрение в анализ политической практики как раз и имело своим продуктивным следствием формирование нового научного знания – социологии политики (с. 26). Как итог, несмотря на критические замечания со стороны авторов о *«затяжном характере»* обозначенного научного дискурса между политологами и социологами относительно их предметной и объектной специализации (с. 44), его очевидной *«схоластичности»* (с. 34), упреков в его загруженности *«методологическими стереотипами»* (с. 43) и даже обвинений в *«научной мимикрии»* (с. 36), авторам пришлось все

же углубиться в полемику, так как к этому обязывала сделанная ими заявка на авторскую методологическую парадигму социологии политики.

Параллельно методологическая акцентуализация пособия обязывала авторов углубиться в сложные лабиринты предметно-объектных полемик современной социологии, например, о дифференциации *«социологии политики»* и *«политической социологии»*. Несмотря на устоявшуюся точку зрения о наличии достаточных оснований для *«разведения»* двух дисциплин и признания их самостоятельного статуса (с. 37), авторы пособия находят аргументы против, считая обозначенную тенденцию нецелесообразной и откровенно ошибочной. Логика авторских контраргументов связывается с признанием факта дальнейшего запутывания проблемы, основанной на абсурдности идеи сужения (сегментации) объекта исследовательского интереса, неоправданном отрыве политики от власти (в случае *«социологии политики»*) и власти от политики (в случае *«политической социологии»*).

Более того, подобный компромисс между сферами влияния, считают авторы, идет вразрез западным практикам, стремящимся к объектному плюрализму (расширительной трактовке объекта ориентации политических дисциплин). В этой связи авторы пособия преднамеренно используют названные категории (*«социология политики»* и *«политическая социология»*) как синонимы, настаивая на их единой смысловой определенности (с. 38).

Второй раздел, представленный на первый взгляд не связанными между собой темами (*«Феномен власти в историко-социологическом контексте»* и *«Власть в структуралистском конструктивизме П. Бурдьё»*), вполне органичен в реализации задуманной концепции. Исторический контекст лаконично и профессионально высвечивает ретроспекцию методологических подходов к феномену власти в девяти номинациях, представленных такими персоналиями, как О. Конт, Г. Спенсер, В. Парето, Р. Михельс, Г. Моска, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Дарендорф, Дж. Хоманс, П. Блау (с. 45–59).

Выделенная в самостоятельный параграф концепция П. Бурдьё имеет логический смысл в том, что именно его социология политики наиболее выразительна с точки зрения объективации закономерностей функционирования поля политики, которые в своей совокупности как раз и создают эффект его кодировки. Таким образом, расшифровать смысл актуального содержания поля политики вне понимания закономерностей – алгоритмов конструирования его кода – невозможно в принципе. Определяющее значение в обозначенном контексте имеют закономерности *«гомологии пространственных структур»* (с. 62), *«делегирования полномочий»* (с. 61), *«эффекта аппарата»* (с. 62) и др. Анализируя социологию политики П. Бурдьё и не скрывая своих симпатий к его проекту, авторы посо-

бия совсем не случайно обращают внимание на свойство унифицированности закономерностей поля политики если не в пределах «великих категорических императивов», то, по крайней мере, в пределах «теории среднего значения», на что, собственно, и претендует социология политики (с. 69–76).

Третий раздел исходя из логики предложенной авторами концепции, посвящен закономерностям той самой политической практики, которая окружает нас в нашей повседневности политического поля Республики Беларусь. Не будет преувеличением отметить, что в попытках перенести свои предыдущие метафизические рассуждения не на некую отвлеченную политическую реальность, а на отечественную (белорусскую) политическую модель, авторы выглядят вполне убедительно. Пожалуй, этот раздел заслуживает особого внимания не только с точки зрения включения в современный научный оборот белорусских данных (обычно в качестве примеров ограничиваются Россией), но и с позиции достаточно смелой констатации закономерностей отечественного поля политики со всеми его противоречивыми и, порой, нелепыми явлениями: проблемы политического отчуждения (с. 79) и противоречивости электорального поведения (с. 87–98), невключенности отечественных политических элит в демократический контекст (с. 99–117), слабость белорусской оппозиции (с. 88) и алгоритм успеха А. Г. Лукашенко (с. 93), политической культуры и непопулярность либеральной модели развития с. 87–88) и др. Авторское стремление к грамотному «прочтению» закономерностей актуального поля политики Беларуси и способность избежать излишней комплиментарности, столь характерной для политического сюжета, создают эффект доверия к иллюстрируемым данным, что принципиально для студенческой аудитории.

В четвертом разделе авторы вновь возвращаются к методологии политической социологии, фокусируясь на ее методах и процедурах. Они известны в социологии: опрос, наблюдение, эксперимент, анализ документов. Однако и здесь авторам удается вполне убедительно поставить целый ряд проблемных вопросов, обнажая оригинальность своей концепции. Так выглядит, например, проблема аутентичности (подлинности) традиционных для социологии методов исследования и правомерности их собственно социологического, а не общенаучного статуса (с. 121–123), попытка придания концептуального характера категории «общественное мнение», а также методу его изучения для политической социологии (с. 123–128). Вместе с тем авторы достаточно скептически оценивают его непогрешимость в смысле «ограниченности общественного мнения порогом компетентности» (с. 138). Закljučают данный раздел рассуждения о парадоксах институционализации отечественной политической социологии, как методологического, так и организационно-функционального характера. Вот один из них: «Закрывает иссле-

довательского процесса априори ставит под сомнение его безусловную грамотность и честность» (с. 157), т. е. необходима предельная открытость социологической практики по типу статистических служб, что, отмечают авторы, не всегда заметно в отечественной политической социологии и служит основанием для сомнений в профессионализме и ангажированности исполнителей.

В пятом разделе в качестве «Приложения» приводится авторский категориальный и понятийный аппарат. Данный глоссарий насчитывает 125 единиц самого разного значения – от общекультурных до сугубо специфических (например, «Гомология пространственных структур» и др.). Со времен Аристотеля различают обыденный язык и специальный язык, т. е. язык той науки, с помощью которого описывается та или иная действительность. В этом контексте следует воздать должное авторам, претендующим на представление социологии политики в духе научного знания. Конечно, некоторые из них требуют доработки, но в целом представленный набор терминов отражает концептуальное поле реальной политической действительности, с помощью которых и выражается intersубъективное знание о социологии политики. Их адекватное усвоение необходимо будущим исследователям все усложняющейся политической динамики современного общества. Любое научное знание сложно с точки зрения восприятия обыденным сознанием. Для этого необходима специальная подготовка, чтобы не оказаться в стороне от проблем, о которых рассуждает современная цивилизация. В этом смысле изданное пособие задает довольно высокую планку для современных студентов, причем не только с точки зрения представленного категориального аппарата, но и проблемностью изложения материала, далекого от привычного для учебников дидактического формата.

Краткий обзор книги, конечно, не отражает всей сути изложенного. Но главное, на что нам хотелось обратить внимание читателя, состоит в том, что в Республике Беларусь появилось осмысленное пособие, в котором в научном аспекте анализируется феномен «политического» как специфического и неотъемлемого для современной действительности. С его помощью рассеивается определенный миф о деполитизации страны, находящейся в центре Европы. Особенно актуальным оно предстает на фоне обострившихся социально-политических проблем, которыми ежедневно претят средства массовой информации.

Хотелось бы пожелать авторам не останавливаться на полпути и продолжить свои изыскания в популяризации белорусской модели политической социологии, которая не столь известна за ее пределами, хотя многие о ней говорят и обсуждают, основываясь при этом зачастую не на понимании, а на эмоциях.

А. А. Легчилин,

кандидат философских наук, доцент,
зав. кафедрой философии культуры ФФСН БГУ